

ДМИТРИЙ САВЧЕНКО

ОСКОЛКИ ФЕВРАЛЯ

ТОМ II

RUGRAM

Москва
2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С13

С13 **Савченко, Д.**

Осколки февраля. Том 2 / Д. Савченко. — М. : RUGRAM, 2026. — 252 с. — (Осколки февраля).

ISBN 978-5-517-14252-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ
НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Переехав в Петербург, Марк надеялся оставить прошлое за сотни километров. Но тени не знают расстояний. Здесь он найдет не покой, а новые потери, предательство и призрак любви, которую пытался забыть. Чем дальше он бежит, тем плотнее сжимается петля. Однажды за все придется заплатить — осколками души, обломками надежд и, возможно, жизнью.

Это последняя глава его истории. Той, что разбилась вдребезги — в февральскую ночь много лет назад.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-14252-8

© Савченко Дмитрий, 2026
© Хромцова Мария, оформление, 2026
© RUGRAM, 2026

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ»

*«От тех, кого слишком любишь,
держишь подальше.
Они-то тебя и прикончат».
Донна Тартт*

ГЛАВА 13

Говорят, что новую жизнь нельзя начать со старой болью. Что нужно выжечь прошлое каленым железом, выскрести из памяти каждое лицо, каждое имя, каждый звук. И тогда — только тогда — откроется дверь.

Я пробовал. Честно. У себя в голове я попытался стереть все, что можно. Письма, слова, фотографии, надежды. Я оставил в Москве дымящиеся руины: деда в холодной земле, отца в полном одиночестве, последнюю хрупкую надежду быть с Алисой. Я, кажется, даже Кристину оставил — ту самую, что сидела рядом и смотрела на промзоны Ленобласти с непонятным восторгом. Ту самую, которая теперь уже была совсем другой.

Мы ехали в Питер. Не за счастьем — за тишиной, с той целью, чтобы наконец перестать слышать, как внутри что-то трещит и осыпается мелкими колючими осколками.

Я знал, что город встретит нас дождем и чужой незнакомой свободой. И я надеялся, что нам повезет, что мы просто выживем. Без фанфар. Без хэппи-энда. И у нас не было права на ошибку. Но в конце концов, нам же не впервой.

Так началась моя петербургская ссылка.

* * *

Дорога в Питер оказалась мокрым кошмаром. Снег с дождем хлестали по лобовому стеклу, превращая трассу в серое месиво. Я впивался пальцами в руль, чувствуя, как «Поло» скользит на поворотах.

— Чертов север, — проворчала Кристина, кутаясь в потертый плед, — Летом путешествовать было куда приятнее.

Петербург сразу же накрыл нас своим серым колоритом. При въезде в город нас будто обдало ледяной волной с Невы.

— Смотри! — Кристина ткнула пальцем в окно.

Над промзонами высились ржавые краны, будто скелеты доисторических животных.

— Красиво, — сказала она.

Я молчал. Всматривался в мокрые фасады домов, в облезлые лепнины сталинок, в аляповатые вывески новых магазинов. Город казался чужим.

Наша будущая квартира находилась почти на окраине города, на севере. Подъезд пах кошачьей мочой и сыростью.

— Ну... зато дешево, — Кристина вставила ключ в скрипучую дверь.

Когда мы зашли, у меня возникло ощущение, что внутри было холоднее, чем снаружи. Стены — обои с желтыми разводами, местами отклеившиеся, местами провисшие, будто шкура больного зверя. Пол — линолеум с волдырями от влаги. Потолки — высокие, закопченные, с трещинами, похожими на карту неизвестной страны. Холодильник тарахтел чуть тише трактора.

— Почти королевские покои, — я поставил чемодан на прогибающийся паркет, еще сохранившийся в прихожей.

— Зато не на улице! — Кристина потрогала чуть теплую облезшую батарею.

— Греет? — улыбнулся я, зная ответ.

— Сойдет, — она подмигнула, — Найдем, как согреться.

— Располагайся, я пока подниму наши вещи из машины, — предложил я.

— Я, пожалуй, схожу в магазин, — сказала она, открыв пустой холодильник.

Я кивнул.

Я готовил последнюю партию коробок, когда зазвонил телефон.

— Часы у тебя? — голос Алисы звучал резко.

— Да. Могу отправить почтой.

— Ты вообще в курсе, сколько они стоят? Швейцарские! — в ее голосе ясно читалось раздражение. — Отправь с Настей. Она весной должна полететь домой в Новосибирск.

— Кто такая Настя?

— Блин, я же тебе рассказывала. Подруга. Учится в Питере. Номер сброшу. Все, не могу говорить, — вдруг голос ее на мгновение снова стал приятным и нежным, — Спасибо, Марк.

Она бросила трубку. Я посмотрел на часы в бардачке. Стрелки тикали, будто смеялись надо мной.

Ночь, наступившая после долгой и изматывающей дороги, встретила нас в новом, пустом и неудобном жилище. Сумки и коробки, брошенные у порога, напоминали о только что закончившемся переезде. Пыль висела в воздухе, смешиваясь с запахом старого дерева. Мы стояли посреди комнаты, оглядывая голые стены и залепанный краской пол, и понимали, что после всего пережитого нам отчаянно нужен был праздник. Хотя бы крошечный островок легкости в этом море хаоса.

На следующий день, вместо ужина, Кристина снова упорхнула за покупками, а я остался разбирать вещи, время бежало незаметно. И вот входная дверь распахнулась, впуская порыв прохладного воздуха. На пороге возникла Кристина, ее лицо покраснело от мороза, а в руках она сжимала свои трофеи — две бутылки ледяной «Балтики» и пачку дешевого «Беломора».

— Ну что, новоселье? — ее голос прозвучал немного хрипло, но в нем слышались задор и решимость скрасить этот вечер.

Мы устроились прямо на полу, прислонившись спинами к холодной стене. Пол был усыпан разбросанными вещами, но нам не было до этого дела. Мы открутили крышки, бутылки звонко чокнулись, и первый глоток холодной горьковатой пены показался на удивление вкусным.

— Слушай, — Кристина вдруг оторвалась от бутылки и внимательно, почти пристально оглядела наше новое, пока еще чужое пристанище, — Как ты думаешь, мы сможем стать здесь по-настоящему счастливыми?

Вопрос повис в воздухе, неожиданный и прямой. Я замер, бутылка застыла на полпути ко рту. Что такое счастье? Возможность просыпаться рядом? Крыша над головой, пусть и такая? Или что-то большее, что нам еще только предстояло построить?

— Я не знаю, — ответил я честно, отставляя бутылку в сторону. — Думаю, вероятно, сможем. Если очень постараемся. Если не будем сдаваться.

Кристина прищурилась, на ее губах дрогнула едва заметная улыбка. Она ничего не сказала, не стала спорить или иронизировать. Вместо этого она внезапно приблизилась ко мне. Ее пальцы вцепились в волосы на моем затылке, и ее губы — влажные, холодные от пива, нашли мои. Это был первый за долгое время поцелуй, в котором не было ни злобы, ни обиды, лишь неистовая потребность в близости.

Я ответил ей с той же силой, обвив руками ее талию и усадив к себе на колени. Наш поцелуй из нежного быстро превратился в жадный, ненасытный. Дыхание перехватило, я чувствовал только вес ее теплого тела на моих бедрах, вкус ее губ, ее приятный запах, смешанный с дымом и пивом. Наши руки путешествовали по спинам, бокам, опускались все ниже, срывая с себя все, что мешало ощутить кожу.

Когда терпение лопнуло, я поднял ее на руки — она легонько вскрикнула от неожиданности — и отнес к единственному предмету мебели в комнате — старенькой кровати, застеленной пока лишь простым одеялом. И секс в ту ночь был не лаской, а яростным, громким выяснением отношений без слов. Мы молча доказывали друг другу что-то важное, вышибали боль и страх, заполняли пустоту нового дома своим жаром. Кровать отчаянно скрипела, с потолка сыпалась штукатурка, а кто-то из соседей начал яростно стучать по батарее. Но нам было плевать. Мы были здесь. Мы были вместе. И в этом хаосе, среди коробок и пыли, рождалось что-то новое. Что-то наше.

* * *

Первый месяц в Питере впился в нас холодными клыками. Город встретил нас не позолоченными шпильками, а сыростью, что пробирала до костей, и тоскливой серостью небес. Кристина устроилась в панк-бар — настоящую подвальную дыру, где столы постоянно были залиты пивом, а воздух был коктейлем из дешевого табака, перегара и отчаяния. Каждую ночь она возвращалась на рассвете, принося с собой этот запах, ввев-

шийся в волосы, и фиолетовые тени под глазами, проступившие сквозь слой косметики.

Моя доля была не легче. Без аттестата и с условным сроком в биографии все двери захлопывались передо мной. Попытка устроиться таксистом разбилась о мой небольшой стаж и камень преткновения — судимость. Новомодные такси-приложения, только набиравшие обороты, моя потрепанная звонилка попросту не тянула. Так что оставался только рынок у Ладожской. Я таскал ящики с замороженной рыбой и консервами, пока руки не покрылись кровавыми мозолями, а спина не начала ныть так, что по ночам я лежал неподвижно, боясь пошевелиться.

Наше жилище, крохотная квартирка-гроб, требовала войны. Войны с сыростью, что висела в воздухе тяжелым одеялом и проступала черными пятнами на стенах. Мы купили обогреватель — это был древний монстр, который пробивал дыру в бюджете, но хоть как-то сушил воздух, наполняя комнату запахом горячей пыли. Потом были куплены новые обои. Дешевые, с нежными голубыми цветочками, которые Кристина откопала на распродаже. Полосы не совпадали, швы были кривыми, но это была наша первая общая победа над унынием. Мы забили щели в рассохшихся рамах ветошью, и теперь сквозняк свистел уже не так пронзительно.

По вечерам, если еще оставались силы, мы устраивались на продавленном диване — нашем трофейном сокровище, найденном у мусорных баков, и смотрели в экран старого телевизора, принимавшего сигнал с проволочной антенны. Картинка плыла, звук хрипел, но это был наш островок.

В редкие общие выходные мы выбирались в город. На Сенатской площади Кристина смеялась, скользя по льду, а я, преодолевая боль, хромал за ней следом, ловя ее за руку. У канала Грибоедова мы стояли над черной прорубью и бросали в нее монетки, загадывая одно и то же простое желание: «чтобы было тепло». На Васильевском острове она, закутанная в старый шарф, кормила голодных бродячих котов сосисками, а я, прислонившись к стене, курил и смотрел, как ледяной ветер с Невы треплет ее волосы.

Иногда мы заходили в «Книжный маяк» — крохотную лавку, где пахло кофе и вековой пылью на корешках.

— Возьми что-нибудь, — толкала она меня в бок, — а то от этой тяжелой работы и без книг совсем отупеешь.

Я брал с полки потрепанные томики английской классики в мягких обложках — Диккенса, Уайльда, сестер Бронте. Потом, дома, я читал ей вслух, пока она, склонившись над столом, старательно красила ногти дешевым лаком.

К совместному быту мы привыкли быстро, проходя через мелкие бытовые сражения. Утро начиналось с драки за туалет и долгого ожидания в очереди в душ, где вода могла греться добрых полчаса.

— Опять хлеб черствый! — ворчала Кристина, разливая по кружкам кофе.

Я молча мазал его тонким слоем маргарина, зная, что на масло денег нет.

Вечером — ее смена, моя разгрузка. Мы пересекались, как корабли в ночи, только когда бархатная густая тьма накрывала город, падая в постель спиной к спине, уставшие до оцепенения, но зато вместе. И порой — редко — у нас находились силы на нечто большее.

Как в ту ночь, когда Кристина принесла домой бутылку «Жигулевского» и сверток с новыми, пахнущими свежестью простынями.

— Давай сегодня как люди, — ухмыльнулась она, и в ее глазах плясали озорные огоньки.

И мы занимались любовью. Медленно, без спешки, будто впервые узнавая друг друга заново. Потом лежали, прислушиваясь к симфонии нашего жилья: мерному капанью из-под крана на кухне, натужному гудению холодильника и завыванию ветра за окном.

— В общем-то... нормально, — выдохнула она, глядя в потолок.

— Да, — просто кивнул я, и в этой простоте было больше правды, чем в тысячах громких слов.

* * *

В последующий месяц Питер все еще производил гнетущее впечатление, даже скрипучие половицы в нашей квартире и неумолимые пятна плесени вызывали у меня раздражение.

Каждый выход из дома сопровождался проклятиями в адрес заедающего замка.

Но главным испытанием стала соседка снизу — Валентина Львовна, блокадница с глазами, словно высеченными из питецкого гранита.

Первая встреча произошла через две недели после заселения — Кристина, пьяная после смены, уронила полку с посудой. В дверь постучали, и на лестничной площадке возникла хрупкая тень в вылинявшем халате.

— Молодые! — ее голос звенел, как разбитый хрусталь. — В два часа ночи хороните кого-то? Или война началась?

Я попытался извиниться, но старуха хлопнула дверью, оставив в воздухе запах камфоры и старческой обиды.

Через неделю Валентина Львовна подкараулила Кристину у почтовых ящиков.

— Держите. — сунула ей банку брусничного варенья. — Чтобы слаще жилось.

— Спасибо, но мы не...

— Не благодарите. — старуха махнула рукой. — Все равно детям не достанется.

Кристина замерла с банкой в руках.

— Почему?

— Потому что у вас их нет. — Валентина Львовна ткнула пальцем в ее живот. — А если будут — умрут. Как мой внук.

Только потом мы узнали от других соседей: ее единственный родной человек, который ее навещал, внук Сергей, погиб в Чечне. Подорвался на фугасе при эвакуации раненых. С тех пор она стала вредной и доставала всех, кто жил рядом.

После этого что-то во мне дрогнуло, и к горлу подступила странная щемящая жалость. В следующий раз, когда в доме отключили отопление, мы притащили ей старенький потрескивающий обогреватель.

— Садитесь, — сказала она нам, указывая на кухонные стулья. Ее руки, прозрачные и в синих прожилках, дрожали, расставляя на столе три фарфоровые чашки с паутиной трещин. — Расскажите старухе, за что вас жизнь так немилосердно отхлестала.